26.5.92.

Паустовский Константин Георгиевич

Сударушка. - 1992. - 26 мая. - с. 2.

К 100-летию со дня рождения

Дорогой Константин Георгиевич...

Я познакомился с Паустовским в 1932 году. Январь. Каспийское море. Залив Кара-Бугаз. Позже он станет знаменит благодаря таланту писателя...

В то время я работал в геологической экспедиции, которая базировалась в поселке рядом с пристанью. Солнце было на закате, когда к берегу стал причаливать дежурный катер из Красноводска. Как обычно, все, кто жил в поселке, собрались на пристани.

По трапу спустился человек — в потертом пальто, изношенной кепке, старых ботинках. В очках. Незнакомец приблизился к нам и представился: «Паустовский, корреспондент «Известий». Тем и ограничился. Мы проводили его в один из наших домиков. За ужином я присмотрелся к нему: похож на провинциального учителя, доброе лицо и легкая улыбка. Тогда и подумать было невозможно, что этот человек через два года обретет и признание, и известность, и — самое

главное — истинную любовь читателей его замечательных книг.

Но это потом. Корреспондент «Известий» оказался человеком неразговорчивым. На другой день он отправился на берег залива — ходил, что-то записывал... А уезжая, дал мне свой московский телефон: «Заходите, когда будете в Москве».

В весьма и весьма скромной квартире на улице Горького я оказался через год. Паустовский забросал меня вопросами, а сам ничего, как и прежде, о себе не говорил. Разговор коснулся музыки. «Первые для меня — Чайковский, Шопен, Моцарт, Бортнянский... Музыка действует на человека сильнее литературы. Вы согласны?»

Писатель вообще говорил кратко, даже скупо. Пример тому — его ответ на другой мой вопрос, который я как-то задал ему: «Как вы относитесь к прозе и поэзии?» Он сказал: «Проза доступна всем, и я люблю все, что идет от Пушкина и кончается Симоновым. Поэзия нравится мне тоже от Пушкина до Ахматовой, но поэзия воспринимается не всеми. Это как музыка».

Любовь всегда требовательна, иначе для Паустовского быть не могло. Любовь к искусству налагает огромную ответственность и на творца, и на того, к кому он обращает свое творчество.

Мне вспоминается наш разговор в теплый ноябрьский вечер 1953 года. Я сказал, пытаясь «разговорить» друга:

— Вы обмолвились как-то о пачке читательских писем, в которой нашли стихи 16-летней девочки. Она без лишней скромности заметила: «Я пишу лучше Веры Инбер. Напечатайте мои стихи».

— Да, я помню этот случай. Стихи слабенькие. Написал юной поэтессе как сумел — «надобно учиться, дорогая».

— А помните, как одна московская газета обвинила вас в аполитичности?

— Как же не помнить. Опровержение не стал писать. В моих повестях и рассказах политика присутствует. Но ее надо видеть!

Константин Георгиевич был прав. Прав потому, что он писал о вечных ценностях: о чести, преданности, бережном и внимательном отношении людей друг к другу. Он писал о неброской русской природе. И писал так, что щемило сердце, и хотелось стать лучше, добрее, искреннее... И это тоже политика, только иная, нежели сиюминутная ситуация в государстве.

И в таком понимании творческой задачи как нельзя лучше проявлялся характер писателя, его мировоззрение... Это находило свое отражение и в отношении Паустовского к женщинам: он их не только боготворил, обожал, но испытывал к ним величайшее уважение. И сострадание.

«Сколько слез материнских!» — это его слова, которыми он подвел черту в нашем разговоре 1936 года. Я только что вернулся из Бурятии, был полон впечатлений, и все увиденное, перечувствованное торопливо выложил Паустовскому. Сказал и о том, что однажды ночью арестовали начальника рудника, где я работал, арестовали и увезли вместе с женой, а через два дня арестовали и главного инженера. Увезли в неизвестность.

Он помрачнел:

— Да, в стране происходит что-то неладное... Можно подумать, что готовится «заговор» против Советской власти. Но этого быть не может!.. Сколько нравственных мучений! Сколько слез материнских!

Это говорил человек кристальной честности, бескомпромиссный в своем понимании порядочности.

Константин Георгиевич был удивительно скромен, персонально для себя он не хотел ничего. Помню, с какой горечью говорил он о таких радостных событиях, как переезд в новую квартиру. Это случалось дважды: когда с улицы Горького он перебрался в «писательский» дом в Лаврушинском переулке, и позже — когда переехал в высотное здание на Котельнической набережной. Разумеется, не сами переезды были тому причиной, а связанная с ними волокита: хождение по инстанциям, беседы с чиновниками... Нет, не о такой жизни мечтал писатель Паустовский, не с такими людьми он предпочитал общаться. Куда милее ему были его друзья: Ильф, Шенгели, Славин, Бабель, Багрицкий, Фраерман, Андровская, Обухова, Яблочкина, Пашенная, Щукин, Гоголева, Грибов, Яншин... Эти люди его понимали, они думали и чувствовали, как он. Ему ближе был простой русский мужик Василий Зотов, ставший героем многих мещерских рассказов.

Таким он был, Константин Георгиевич Паустовский. Замечательный писатель, пацифист, пламенный противник всяческого насилия и человеческой вражды, писавший о людях, их судьбах и радостях, о любви и нелюбви... Словом, о жизни. Обо всем, о чем надо писать, чтобы не растерять понапрасну...

И я верю: пройдут смутные годы и обязательно наступит время Паустовского, и мы или наши дети станем другими — такими, какими хотел видеть людей Константин Георгиевич.

Время Паустовского. Оно обязательно наступит. Не может не наступить!

Борис ЛЕВИН.